

П У Б Л И К А Ц И И

А. Введенский

ПОЭТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ

см. журнал "ЧАСЫ" № 5 /1977 г./

ЭЛЕГИЯ

Так сочинилась мной элегия
о том, как ехал на телеге я.

Осматривая гор вершины,
их бесконечные аршины,
вином налитые кувшины,
весь мир, как снег, прекрасный,
я видел тёмные потоки,
я видел бури взор жестокий,
и ветер мирный и высокий,
и смерти час напрасный.

Вот воин, плывая навагой,
исполнен важною отвагой,
с морской волнующейся влагой
вступает в бой неравный.
Вот конь в волшебные ладони
кладёт огонь лихой погони
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной.

Где лес глядит в полей просторы,
в ночей несложные уборы,
а мы глядим в окно без шторы
на свет звезды бездушной,
в пустом смущенье чувства прячем,
а в ночь не спим, томимся, плечем,
мы ничего почти не значим,
мы жизни ждём послушной.

Нам восхищенье неизвестно,
нам туго, пасмурно и тесно,
мы друга продаём бесчестно,
и Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы вырастили,
мы нас самим себе простили,
нам, тем кто как зола остыли,
милей орла гвоздика.

Я с завистью гляжу на зверя,
ни мыслям ни делам не веря,
умов произошла потеря,
бороться нет причины.
Мы всё воспримем как паденье,
и день и тень и неслажденье,
и даже музыки гуденье
не избежит пучины.

В морском прибое беспокойном,
в песке пустынном и нестройном,
и в женском теле непристойном
отрады не нашли мы.
Беспечную забыли трезвость,
воспели смерть, воспели мерзость,
вспоминанье мним как дерзость,
за то мы и палимы.

Летят божественные птицы,
халаты их блестят как спицы,
их развеваются косицы,
в полёте нет пошады.
Они отсчитывают время,
они испытывают бремя,
пуская бренчит пустое стремя —
сходить с ума не надо.

Пусть мчится в путь ручей хрустальный,
пусть рысю конь спешит зеркальный,
вдыхая воздух музыкальный,
вдыхаешь ты и тленье.
Возница хилый и сварливый,
в вечерний час зори сонливой,
гони, гони возок ленивый,
лети без промедленья.

Не плещут лебеди крыльями
над пиршественными столами,
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье,
на смерть, на смерть держи равненье
поэт и всадник бедный.

ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ

Часть первая

ФМОГУРОВ

если я и родился
то я тоже родился
если я и голова
то я тоже голова
если я и человек
то я тоже человек
если я и есть поляк
я полковник и поляк
если ты как день блестяшь
как ромешка улетитъ
то ты тоже тоже блеск
то ты тоже тоже треск

ГОРСКИЙ /адвокат/

странно странно
что же это за мораль
мне хотелось бы спросить
впереди гляди сераль
мужики идут косить
что косить но что просить
мне хотелось бы скосить
наши лошади бежали
как колёса по пыли
воробьи кругом жуужали
райски птички топали
что же они топали
может время штопали
тут локоны тут бежали
тут локоны вдруг стоят

СНЯ /летя им навстречу в странном виде/

вся роскошь кудрей
не мудрей

ИЗОТОВ /спешившись/

тут локоны им стригут
скоро кони побегут

ЭМОГУРОВ /кладя руку на седло/

но чего чего мудрей
роскошь кудрей
если роскошь мудрей
то наверно не кудрей
если ветренных теней
то умней
как Крестов это ты?
адревствуй милый ты откуда
есть у всех у нас хребты
что? куда? мы все оттуда
от горы да от стола
чудеки как пестила
пестила или пестилка
стыдно нам но мы подстилка
это дело было так
я вам правду расскажу
я хожу и не хожу
я не это и не то
я пальто

ПАРЕНЬ ВЛАС

очень умные слова
разумно слезла голова
сначала в пояс поклонилась
потом внезапно удалилась
потом внезапно воротилась
потом как папка удалилась
потом как шапка воротилась
вот что от этих слов случилось
однако может быть и не от них
у нас в деревне так идёт
сначала лето настает
мужик в стекло себе плюёт
стекло морщинится не хочет
а он стекло представь щекочет
и сам хохочет
а жена сажает хлеб
а мужик уже ослеп
вот он к доктору спешит
о послушай шепчет он
перед ним рублём шуршит
о послушай сердца тон
правильный ли это он

побренчи мои подмышки
там разбухли злые шишки
доктор доктор говорит
страшно я сошёл с ума
ну меня зовут Давид
но у вас-то ведь чума
добрый врач помрачнел
и мужик побледнел
как чума а вдруг холера
или тиф или тиф
по реке прошла галера
эти споры прекратив
не сердитесь дон Ринальдо
молвил доктор мужику
странно как мне не ворчать
вы бы ввали бы жуку
жук совсем не постигает
что время может быть течёт
он жук сидит
он жук икает
на солнце голову печёт
а да ладно что плести
врачу осталось уползти
а мужик глядит свирепо
на поля да на леса
да на свёклу да на репу
будто курочка слеза
потом с него упала
и в чернозём пропала

ГОРСКИЙ /адвокат/

браво браво браво Власт
ты родимый лавелас

СОНЯ /возвращаясь/

как странно тело женское
ужасно не Введенское

ИЗОТОВ

да да да я это знаю
правда люди это так
вот я с лошади слезав
а земля черна как фрак
в ней наверно есть червяк
червячечек червячишко
как мой родственник сынишка
у него была интрижка
тек пустяк почти отрыжка

иль икотка в общем страсть
вообразите красть и красть
он куда ни попадѣт
всѣ моментально украдѣт
увидит мопса украдѣт
букву тоже украдѣт
вообще всѣ время крад
наконец себя украд

СОНЯ

вы Изотов тирен человек
довели ребѣнка до этого
вы секли его каждый четверг
молодого ещѣ не одетого
вы Изотов мошенник и жулик
вы копейка вы штопор вы нулик

ИЗОТОВ /отходя в сторону и сморквясъ/

но Соня я его любил
и не его ковры я бил
я был секретно нездоров
и много покупал ковров
сизу однажды взаперти
на мне свртук из либерти
на голове флжок и шляпка
в руках коронушкина лапка
вдруг колокольчик зазвонил
нелепым звяканьем своим
во мне он много изменил
но молча мы сидим свистим
тут открывается калитка
и входит польский господин
противный скользкий как улитка
я говорю вы что ж один
он говорит нет я одно
желаю вам сейчас открыть
езде езде я вижу дно
ну мы смеёмся во всю прыть
скажи какой весѣлый пан

ПАРЕНЬ ВЛАС

он резеда

ФИОГУРОВ

нет нет нет

ничего подобного

не любит просто дробного

человек целый

изъясняется понятно. Видит где конец.

Очень разумно очень очень. Я голову дам на отвлеченье.

ГОРСКИЙ /Семён Семёнович/

Коллега безусловно прав. Что собственно мы имеем пять или шесть лошадей говорю намеренно приблизительно, потому что ничего точного всё равно никогда не скажешь. Четыре одежды.

ГОЛОС Отстаньте вы с числами

ГОРСКИЙ /Фёдор Петрович/

А ты не перебивай. Следовательно, я считаю, что подсудимый не мог даже войти в ту комнату, доказано.

ПАРЕНЬ ВЛАС

у нас в деревне так идёт
три месяца как день пройдут
и мигом осень настаёт
а надо вам сказать что там стоит редут
а там живут военные
они обыкновенные
но только не в чем их винить
да и что их обвинять
выйду на поле звонить
комаров пойду гонять
а у нас какая жара
вся жара на полкомара
кроме того у меня был конек
которого звали купец
он был мой отец
он жил в доме называемом хата
он по морям большим летал
он жил безбедно безбогато
и разны овощи глотал
вот как-то я к нему примчался
кричу папаша сокол свет
а он как сумрачный качался
кончая третий пуд конфет
мать говорит мне съешь конфетку
не дай погибнуть ты отцу
я будто ветер вырвал ветку
и молча подскочил к купцу
и говорю
отвесьте мне кило четыре часа
и говорю
бунтует наша раса
но тут мой конек умирает
в свинцовое поле несётся
последний момент озирает
последним смехом смеётся

но тут вбегает Франц капитан
мы говорим это что за страна
он отвечает либо Туркестан
либо Выборгская сторона

ФИГУРОВ вот оно то что не то

ГОРСКИЙ /адвокат/
 скажите куда попали

СОНЯ нас всех закопали

АРАБСКИЙ МАЛЬЧИК
 милостивые государыни войдите в наш сераль

ФИГУРОВ соглашаться или нет
 если да то или нет
 удивляться или нет
 или да то если нет
 я не знаю если я
 или знаю если я

ИЗОТОВ /спешившись/
 начнём пожалуй

Входят. Потом дерутся. Потом их выносят. Потом больше ниче-
го нет.

Часть вторая

жили были шесть людей
Фигуров и Изотов
Горский Соня парень Владе
вот без горя без заботы
речка жизни их лилась
Фигуров был учитель
значит физику учил
Горский адвокат мучитель
буквеед и князь чернил
а Изотов был концом
ну как будто был отцом
ворешку сына он имел
молчит Изотов онемел
стыдится верно
или лицемерно
а Соня девушкой была
и тихой девушкой плыла
в роскошных платьях расписных
в московской шляпке золотой
в середине гордых гор лесных
она казалась молодой

её жених был парень Влас
без туфель и без числа
он не сводил далёко глаза
с румяного лица
и долго долго ждал кольца
однажды все они толпой
заснули ночь была конечно
в железной ванне водопой
шуршал водичкою беспечной
очень много было часов
шёл час ночной тридцать пятый
и спали все без голов
и каждый был богатый
имел мундир и сто рублей
и много веток и стеблей
вот спят они и смотрят сны
одни из них противны
другие как стакан ясны
четвёртые крапивны
то видит пуговицу он
и думает ужели это сон
пускай она имеет вид орешка
мы скажем
этот сон наошешка
то видит форточку она
и в форточке цветок отличный
краснеет от такого сна
затем что это неприлично
то видят численность они
простую как весло
и численность лежит как дни
от страха ноги им свело
то видят хвостики вещей
то может быть событие
что будто лев рукой своей
пришёл сюда убить её
убить родить бедняжку
ничтожную бумажку
уже они устали спать
и мигом все проснулись
пошли на речку утопать
едва воды коснулись
вода прозрачная текла
от горки к морю вниз
сначала Соня вниз пошла
как яблочко вниз

за ней влезли остальные
и утонули как стальные
на берегу остались бржки
да платья пышные её
немного ног больше руки
дыханье память вот и всё

ЧЕТЫРЕ ОПИСАНИЯ

- ЗУМИР** Желая сообщить всем людям,
зверям, животным и народу
о нашей смерти, птичьим голосом
мы разговаривать сегодня будем
и одобрять лес, реки и природу
спешим. Существовал ли кто?
Быть может птицы или офицеры
и то мы в этом не уверены,
но всё ж. нельзя, нельзя, нельзя
забыть хотя бы те примеры,
у птиц не существуют локти,
чем их секунды мерены.
- КУМИР** Прерву тебя.
- ЗУМИР** Что?
- КУМИР** Тебя прерву.
- ЗУМИР** Прерви.
- КУМИР** Прервал тебя.
- ЗУМИР** Я продолжаю.
- ЧУМИР** Весь в мыслях я лежал
обозревая разные вещи,
предметы. Я желал.
Горело всё кругом.
Спешило всё бегом, бегом.
Впрочем когда следишь за временем
то кажется что всё бежит
и кажется гора дрожит
и море шевелится
песок с песчинкой говорит
и будто рыбы борются
цветы и чай на блюде.
Луна с луной
звезда с звездой
и снег с водой
о снег седой
и хлеб с едой,

езде как будто бы видны среженья,
все видим в площади движенье.
Мы спим, мы спим.

ТУМИР Что в мире есть? Ничего в мире нет,
всё только может быть.

КУМИР Что ты говоришь? А елот есть.
А бобёр есть. А море есть.

ТУМИР Всего не счесть
что в мире есть.
Стакан и песнь
и жук и лесть
по лесу бегущие лисицы
стихи, глаза, журавль и синицы
и двигающаяся вода
медь, память, планеты и звезда,
одновременно не полны
сидят на краешке волны.
Со всех не видим мы сторон
ни пауков и ни ворон,
в секунду данную оне
лежат как мухи на спине,
в другую боком повернутся,
пойди поймай их, они смеются.
Не разглядеть нам мир подробно,
ничтожно всё и дробно.
Печаль меня от этого всего берёт.

КУМИР Ночь ужасная черна,
жизнь отвратительна, страшна.
Друг друга человек жалеет
слезами руки поливает
щеку к щеке он прижимает
он сон лелеет.
Бессмертен сон.
Лежит человек
с девой на кровати
её обняв.
На столике свеча дымится
в недостижимое стремится.
Обои хладнокровия
стаканы дышат ровно.
Как будто бы миролюбива ночь
блистают точные светила.
Страсть человека посетила
и он лежит жене обняв.

Он думает: какого чурта,
всё хорошо кругом, всё мёртво.
Лишь эта девушка жена
жива и дивно сложена.
Устения берёт он в руки
и укрепляет ей живот
цветами мушкетеры он украшает
слогами куммики он ей поёт.
Но ночь предстанет
вдруг оживлена
свеча заляжет
закричит жена.
На берег выбежит кровати
туда где бьёт ночной прибой
и пену воды к перемену
они увидят пред собой.
Проснутся каменные предметы
и деревянные столы,
взлетят над ними как планеты
богоподобные орлы.

ТУМАН

Так значит нет уверенности в часе
и час не есть подробность места.
Час есть судьба.
О, дай мне слышку!

3-й УМЫР/АКЦИН/

Хочу рассказать историю моей смерти.
Месть меслцев уж шла война.
Я был в окопах. Я не был вна.
Не видел женской незабудки.
Не видел сна. Не знал постели.
Не слышал шутки.
Пули сплошь свистели.
Немецкие руки врагов
не боялись наших прыжков.
Турецкие глаза врагов
не пугались наших богов.
Австрийская грудь врага
стала врагу не дорога.
Лишь бы ему нас разбить.
Не знали мы все как нам тут быть.
Мы звали Перемышль и Осовец,
был каждый весел,
богач сибирский или купец
или генерал встать уже не могший с кресел.
Все смеллось. Стало быть
нам удалось врага разбить
и победить и видеть мёртвых.

Лежат враги без головы
на бранном поле.
И вдовы их кричат уви,
их дочки плачут оли.
Все находились мы в патристическом угаре,
но это было с общей точки зрения.
Лес не заслуживает презрения,
река течёт одновременно покорная своей судьбе.
Что расскажу я о себе?

1-й УМИР/АКЦИЙ/ Тебя прерву.

3-й УМИР/АКЦИЙ/ Что?

1-й УМИР/АКЦИЙ/ Прерву тебя.

3-й УМИР/АКЦИЙ/ Прерви меня.

1-й УМИР/АКЦИЙ/ Прервал тебя.

2-й УМИР/АКЦИЙ/ Я продолжаю.

3-й УМИР В окопе на кровати я лежал
и Мопассанна для себя читал
и раздражался от желания
приласкать какую-нибудь пышную Малению.
Хотелось мне какую-нибудь девушку помять
в присутствии моей довольно близкой смерти.
Мысли эти были плохи
и в наказание мне живот, поверьте,
кусали вши, чесали блохи.

Вдруг выбегает
денщик Ермаков
кричит выбегает
торопится в Псков.

Вдруг приходит
фельдфебель Путята
кричит и уходит
в одежде богатой.

И все рядовые
вынув штuki
идут городовые
кричат пустяки.

Вся армия бежит,
она бежит как раз.

Оставлена Варшава
и Рига, Минск и Павел Павлович Кавказ.

А вышел я на край реки
держа в руке пустые пузырьки

и с грустью озирал досадное поражение
как быстро кончилось несчастное сражение.

И надо мной вертелся ангелок
он чью-то душу в рай волок
и мне шептал: и твой час близок,
тебе не спеть с твоей невестой Лизой.
И выстрел вдруг раздался
и грудь моя поколебалась.
Уж я лежал шатаясь
и надо мной берёза улыбалась.
Я был и ранен и убит.
То было в тысячу девятьсот четырнадцатом году.

4-й УМИР Да, это верно. О времени надо думать также
как о своей душе. Это верно.

2-й УМИР Хочу рассказать вам историю своей смерти.

Я сидел в своей гостиной
я сидел в своей пустынной
я сидел в своей картинной
я сидел в своей старинной
я сидел в своей недлинной
за столом.

Я сидел за столом,
вовсе не махал веслом,
я не складывал частей,
я сидел и ждал гостей
без костей.

Ко мне шли гости -
Мария Павловна Смирнова
секретарь суда Грязнов
старый, хмурый, толстый, вдовый,
и Зернов.

Генерал и генеральши
юнкер Пальмов, гусар Борецкий
круглый, что орех твой грецкий.
Дальше.

Вечер славно протекал
как всегда в еде, в беседе.
За освобождение крестьян
вдруг разбушевался генерал,
он был смутьян.

Крестьян освобождать не надо
им свобода хуже ада
им надо кашу, надо плеть.
Нет, их надо пожалеть,
сказал купец Вавилов,
довольно их судьба давила.
Вмиг завязался спор на час
и всех развлёк и занял нес.

Вдруг на меня тоска напала,
я беспокойство ощутил,
с тоской взглянул на генерала
и на Бавилова взглянул.
Борецкий с дамами шутил
трещал под ним некрепкий стул.
Я к зеркалу направился в досаде.
Казалось мне, за мной шагает кто-то сзади,
и в зеркало я увидел Скворцова,
он умер восемь лет назад.
Его глаза полуприкрыты
и щёки синие небриты
и мёртвый и дурацкий взгляд
меня вывел из столовой,
он мне шептал: ты слаб и стар.
Тут меня схватил третий апоплексический удар.
Я умер.

I-й УМИР

Да, покойники, мы пьем из невесёлой чаши,
нам не следки воспоминанья наши.

Я также был когда-то жив
и Финский я любил залив.
На состояние воды рябое
глядел и слушал шум прибоя.
Картины Репина про бурлаков
мне очень были милы,
и Айседору без чулков
любил я поглядеть. Воё это было.
Я Бальмонте читал стихи.
Я Государственную думу
любил как пуму,

где депутаты ругались как петухи.
И Елока дивные стишки
как в море бурном гребешки
нам иногда ласкали слух
и возвышали наш дух.

Мы храбро церковь презирали
мы ругали все Бога и попов.

Мы авиаторов любили,
давая без музыки клопов.

Аэроплан мы одобряли.
Тогда один среди лесов
любил гулять теософ.

Тогда писатель граф Толстой
уж не ложился с дамой спать.

В год тысячу девятьсот шестой,
затем седьмой, восьмой, сущевенный
бежал и прятался как день обещанный
и всё не мог для нас настать.
Мы жили все в неопределённом состоянии
и часто находились в жёлтом здании.
И многие из нас взяв в руки пистолет
пред этим за обедом съев котлет
теперь пытались пистолет проглотить
и с жизнью кончить все подсчёты
чтоб больше бы не жить.

КУМИР Прерву тебя.

1-й УМИР Прерви меня.

КУМИР Прерви тебя.

1-й УМИР И я подобною работой
однажды тоже занялся.
Мне стало ясно: жизнь ничёмна,
мне на земле широкой тёмной
не находилось больше места.
И я за ум взялся.
Сказал: прощай, прощай навеки невесте
и газированная вода,
меня не будет больше никогда.
Сидел з собой я кабинете
и горевал.
На пистолете
курок сверкал.
И пистолет я в рот вложил
как бы вина бутылку.
Через секунду ощутил
стук пули по затылку.
И разорвало мой затылок
на пять и шесть частей.
Это было в тысячу девятьсот одиннадцатом году.

4-й УМИР Был бой. Гражданская война
в Крыму, в Сибири и на Севере.
Днепр, Бояга, Обь, Двина.
На ржи, на латыках, на клевере
езде лежали трупы.
Был голод, не хватало супа.
Концы ужасной этой битвы
остры как лезвие у бритвы.
Я даже не успел прочесть молитвы
как от летящей пули наискось
я пал подкошенный как гвоздь.

Граждане, взмолился я, родные,
ведь у меня ребята есть грудные,
и эти молодые дети
теперь одни останутся на свете.
И две жены моих красавицы
теперь развратничать начнут.
О хоть бы, хоть бы мне поправиться,
но командир сказал: капут.
Подумай сам, ведь ты убит,
тут доктор помощь оказать не сможет
и окровавленный твой вид
в земле червяк довольно скоро сглохнет.
Я говорю ему: нет, командир,
червяк быть может сглохнет мой мундир
и может быть в течение часа
моё сожрёт всё мясо.
Но мысль мою и душу
червяк не съест и я его не трушу.
Но я уже не говорил. Я думал.
И я уже не думал. Я был мёртв.
Моё лицо смотрело на небо без шума
и признак жизни уходил из вен и из аорт.
В моих зрачках число четыре отражалось,
а битва, бой, сражение продолжалось.
То тысячу девятьсот двадцатый был год.

ЗУМИР

Мы выслушали смерти описанья
мы обозрели эти сообщения от умирающих умов.
Теперь для нашего сознания
нет больше разницы годов,
пространство стало реже,
и все слова наук, беседа, человек — одни и те же
Кто дед, кто внук,
кто маргаритка, а кто воин,
мы все исчадия наук
и нами смертный час усвоен.

ЧУМИР

Спят современники морей.

КУМИР

Куда же им.

НЕКОТОРОЕ КОЛИЧЕСТВО РАЗГОВОРОВ

I. Разговор о сумасшедшем доме.

В карете ехали трое. Они обменивались мыслями.

- Первый. Я знаю сумасшедший дом. Я видел сумасшедший дом.
Второй. Что ты говоришь! Я ничего не знаю. Как он выглядит.
Третий. Выглядит ли он? Кто видел сумасшедший дом.
Первый. Что в нём находится? Кто в нём живёт.
Второй. Птицы в нём живут. Часы в нём ходят.
Третий. Я знаю сумасшедший дом, там живут сумасшедшие.
Первый. Меня это радует. Меня это очень радует. Здравствуй, сумасшедший дом.
Хозяин сумасшедшего дома /смотрит в своё дряхлое окошко, как в зеркало/. Здравствуйте, дорогие. Ложитесь.

Карета останавливается у ворот. Из-за забора смотрят пустышки. Проходит вечер. Никаких изменений не случается. Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли.

- Первый. Вот он какой сумасшедший дом. Здравствуй, сумасшедший дом.
Второй. Я так и знал, что именно такой.
Третий. Я этого не знал, такой ли он именно.
Первый. Пойдёмте ходить. Всюду все ходят.
Второй. Тут нет птиц. Есть ли тут птицы.
Третий. Нам осталось немного, и нам осталось недолго.
Первый. Пишите чисто. Пишите скучно. Пишите тучно. Пишите звучно.
Второй. Хорошо, мы так и будем делать.

Отворяется дверь. Выходит доктор с помощниками. Все вябнут. Уважай обстоятельства места. Уважай то, что случается. Но ничего не происходит. Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли.

Первый /говорит русскими стихами/.

Входите в сумасшедший дом
Мои друзья, мои князья.
Он радостно ждёт нас.
Мы радостно ждём нас.
Фонарь мы зажигаем здесь,
Фонарь как царь висит.
Лисицы бегают у нас,
Они пронзительно пищат,
Всё это временно у нас,
Цветы вокруг трещат.

Второй. Я выслушал эти стихи. Они давно кончились.

Третий. Нас осталось немного и нам осталось недолго.

**Хозяин сумасшедшего дома /открывая своё
дряхлое окошко, как форточку/. Заходите дорогие, ложитесь.**

В карете ехали трое. Они обменивались мыслями.

2. Разговор об отсутствии поэзии.

Двенадцать человек сидело в комнате. Двадцать человек сидело в комнате. Сорок человек сидело в комнате. Шёл в зале концерт. Певец пел.

Неужели о поэты
Ваши песни все пропеты.
И в гробах лежат певцы
Как спокойные скупцы.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал

Дерево стоит без звука,
Без почёта ночь течёт.
Солнце тихо как наука
Роци скучные печёт.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец продолжал.

Тучи в небе ходят пышно.
Кони бегают умно.
А стихов нигде не слышно,
Всё бесшумно всё темно.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал.

О взгляните на природу

Тут все подошли к окнам и стали смотреть на ничтожный вид.

На беззвучные леса.

Все заглянули на леса, которые не издавали ни одного звука.

Опустылила народу
Ныне птичьих голоса.

Везде и всюду стоит народ и плётся, услышав птичье пение. Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал.

Осень. Лист лежит пунцов.
Меркнет кладбище певцов.
Тишина. Ночная игла
На холмы уже легла.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец продолжал.

Встали спящие поэты
И сказали: Да, ты прав.
Мы в гробах лежим отпеты,
Под покровом жёлтых трав.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал.

Музыка в земле играет,
Червяки стихи поют.
Реки рифмы повторяют,
Звери звуки песен пьют.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец умер. Что он этим доказал.

3. Разговор о воспоминании событий.

П е р в ы й. Припомним начало нашего спора. Я сказал, что я вчера был у тебя, а ты сказал, что я вчера не был у тебя. В доказательство этого я сказал, что я говорил вчера с тобой, а ты в доказательство этого сказал, что я не говорил вчера с тобой.

Оба они важно поглаживали свою кошку. На дворе уже стоял вечер. На окне горела свеча. Играла музыка.

П е р в ы й. Тогда я сказал: Да как же, ведь ты сидел тут на месте А, а я стоял тут на месте Б. Чтобы увеличить силу своего доказательства, чтобы сделать его очень, очень мощным, я почувствовал сразу грусть и веселье и плач и сказал: Но же было здесь двое, вчера в одно время, на этих двух близких точках, на точке А и на точке Б, войми же.

Они оба сидели запертые в комнате. Ехали сами.

П е р в ы й. Но ты тоже охватил себя чувствами гнева, смиренности и любви к истине и сказал мне в ответ: Ты был тобою, а я был собою. Ты не видел меня, а я не видел тебя. О гнилых этих точках А и Б я даже говорить не хочу.

Два человека сидели в комнате. Они разговаривали.

П е р в ы й. Тогда я сказал: /я помню/ по тому шкапу ходил, по-свистывая конюх, и /я помню/ на том комоде шумел прекрасными вершинами могучий лес цветов, и /я помню/ под стулом журчащий фонтан, и под кроватью широкий дворец. Вот что я тебе сказал. Тогда ты улыбаясь ответил: Я помню конюха, и могучий лес цветов, и журчащий фонтан, и широкий дворец, но где они, их нигде не видеть. Во всем остальном мы почти были уверены. Но всё было не так.

Два человека сидели в комнате. Они вспоминали. Они разговаривали.

В т о р о й. Потом была середина нашего спора. Ты сказал: Не можешь себе представить, что я был у тебя вчера. А я сказал: Я не знаю. Может быть и могу, но ты не был. Тогда ты сказал, временно совершенно изменив своё лицо: Как же? как же? я это представляю. Я не настаиваю уже, что я был, но я представляю это. Вот вижу ясно. Я захожу в твою комнату и вижу тебя — ты сидишь то тут, то там и вокруг висят свидетели этого дела картины и статуи, и музыка.

Два человека сидели запертые в комнате. На столе горела свеча.

В т о р о й. Ты очень, очень убедительно рассказал всё это, отвечал я, но я на время забыл, что ты есть, и все молчат мои свидетели. Может быть, поэтому я ничего не представляю. Я сомневался даже в существовании этих свидетелей. Тогда ты сказал, что ты начинаешь испытывать смерть своих чувств, но всё-таки, всё-таки /и уже совсем слабо/, всё-таки, тебе кажется, что ты был у меня. И я тоже притих и сказал, что всё-таки, мне кажется, что как будто ты и не был у меня. Но всё было не так.

Три человека сидели запертые в комнате. На дворе стоял вечер. Играла музыка. Свеча горела.

т р е т и й. Припомним конец вшего спора. Вы оба ничего не говорили. Всё было так. Истина, как нумерация, прогуливалась вместе с вами. Что же было верного? Спор окончился. Я невероятно удивился.

Обе они важно поглаживали каждый свою кошку. На двери стоял вечер. На окне горела свеча. Играла музыка. Дверь была плотно закрыта.

4. Разговор о картах.

А ну, сыграем в карты, закричал Первый.

Было раннее утро. Было самое раннее утро. Было четыре часа ночи. Не все тут были из тех, кто мог бы быть, те, кого не было, лежали, поглощённые тяжёлыми болезнями у себя на кроватях, и подавленные семьи окружали их, рыдая и прижимая к глазам. Они были люди. Они были смертны. Что тут поделаешь. Если оглядеться вокруг, то и с нами будет то же самое.

А ну сыграем в карты, закричал всё-таки в этот вечер Второй.

Я в карты играю с удовольствием, сказал Сандонецкий, или Третий. Они мне веселят душу, сказал Первый.

А где же наши тот что был женщиной, и тот что был девушкой, спросил Второй.

О, не спрашивайте, они умирают, сказал Третий или Сандонецкий. Давайте сыграем в карты.

Карты хорошая вещь, сказал Первый.

Я очень люблю играть в карты, сказал Второй.

Они меня волнуют. Я становлюсь сам не свой, сказал Сандонецкий, он же Третий.

Да уж когда умрёшь, тогда в карты не поиграешь, сказал Первый. Поэтому давайте сейчас сыграем в карты.

Зачем такие мрачные мысли, сказал Второй. Я люблю играть в карты.

Я тоже жизнерадостный, сказал Третий. И я люблю.

А я до чего люблю, сказал Первый. Я готов всё время играть.

Можно играть на столе. Можно и на полу, сказал Второй. Вот я и предлагаю, давайте сыграем в карты.

Я готов играть хоть на потолке, сказал Сандонецкий.

Я готов играть хоть на стекане, сказал Первый.

Я хоть под кроватью, сказал Второй.

Ну ходите вы, сказал Третий. Начинайте вы. Делайте ваш ход. Покажите ваши карты. Давайте играть в карты.

Я могу начесть, сказал Первый. Я играл.

Ну что ж, сказал Второй. Я сейчас ни о чём не думаю. Я игрок.

Скажу не хвастаясь, сказал Сандонецкий. Кого мне любить. Я игрок.

Ну, сказал Первый, игроки собралась. Давайте играть в карты.

Насколько я понимаю, сказал Второй, мне как и всем остальным предлагают играть в карты. Отвечая, я согласен.

Кажется и мне предлагают, сказал Третий. Отвечая, я согласен.

Вижу я, сказал Второй, что мы все тут словно сумасшедшие. Давайте сыграем в карты. Что так сидеть.

Да, сказал Сандонецкий, что до меня — сумасшедший. Без карт я никуда.

Да, сказал Первый, если угодно — я тоже. Где карты, там и я.

Я от карт совсем с ума схожу, сказал Второй. Играть так играть.

Вот и обвели ночь вокруг пальца, сказал Третий. Вот она и кончилась. Пошли по домам.

Да, сказал Первый. Наука это доказала.

Конечно, сказал Второй. Наука доказала.

Нет сомнений, сказал Третий. Наука доказала.

Они все рассмеялись и пошли по своим близким домам.

5. Разговор о бегстве в комнате.

Три человека бегали по комнате. Они разговаривали. Они двигались.

П е р в ы й. Комната никуда не убегает, а я бегу.

В т о р о й. Вокруг статуй, вокруг статуй, вокруг статуй.

Т р е т и й. Тут статуй нет. Взгляните, никаких статуй нет.

П е р в ы й. Взгляни, тут нет статуй.

В т о р о й. Наше утешение, что у нас есть души. Смотрите, я бегу.

Т р е т и й. И стул беглец, и стол беглец, и стена беглянка.

П е р в ы й. Мне кажется, ты ошибаешься. По-моему, мы одни убегаем.

Три человека сидели в саду. Они разговаривали. Над ними в воздухе возвышались птицы. Три человека сидели в зелёном саду.

Второй. Хорошо сидеть в саду,
Улыбаясь на звезду,
И подсчитывать в уме
Много ль нас умрёт к зиме.
И внимая стуку птиц,
Звуку человеческих лиц
И звериному рычанью,
Встать побегать на прощанье.

Три человека стояли на горной вершине. Они говорили стихами. Для усиленных движений не было места и времени.

Третий. Дивно, стоя на горе,
Думать о земной коре.
Пусть она черна, шершава,
Но страшна её державе.
Воздух тут. Он стар и сед.
Здравствуй воздух мой сосед.
Я обнимаю высоту.
Я вижу Бога за версту.

Трое стояли на берегу моря. Они разговаривали. Волны слушали их в отдалении.

Первый. У моря я стоял давно
И думал о его пучине.
Я думал почему оно
Звучит, как музыкант Пуччини.
И понял: море — это сад.
Он музыкальными волнами
Зовёт меня и вас назад
Побегать в комнате со снами.

Три человека бегали по комнате. Они разговаривали. Они двигались. Они осматривались.

Второй. Всё тут как прежде. Ничто никуда не убежало.

Третий. Одни мы убежем. Я выну сейчас оружие. Я буду над собой действовать.

Первый. Куда как смешно. Стреляться или топиться или вешаться ты будешь?

Второй. О не смейся! Я бегая чтобы поскорей кончиться.

Третий. Какой чудак. Он бегает вокруг статуй.

Первый. Если статуями назвать все предметы, то и те.

Второй. Я назвал бы статуями звезды и неподвижные облака.
Что до меня, я назвал бы.

Т р е т и й. Я убегаю к Богу, я беженец.

В т о р о й. Известно мне, что я с собой покончил.

Три человека вышли из комнаты и поднялись на крышу.
Казалось бы зачем,

6. Разговор о непосредственном продолжении.

Три человека сидели на крыше, сложив руки, в полном покое. Над ними летали воробьи.

П е р в ы й. Вот видишь ли ты, я беру верёвку. Она крепка. Она уже намылена.

В т о р о й. Что тут говорить. Я внимаю пистолет. Он намылён.

Т р е т и й. А вот и река. Вот прорубь. Она уже намылена.

П е р в ы й. Все видят, я готовлюсь сделать то, что я уже задумал.

В т о р о й. Прощайте мои дети, мои жёны, мои матери, мои отцы, мои моря, мой воздух.

Т р е т и й. Жестокая вода, что же шепнуть мне тебе на ухо. Думаю, только одно: м-м с тобой скоро встретимся.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

П е р в ы й. Я подхожу к стене и выбираю место. Сюда, сюда взбѣм мы кряк.

В т о р о й. Лишь дуло на меня взглянуло,
Как тут же смертью вдруг подуло.

Т р е т и й. Ты меня заждалась замороженная река. Ещё немного, и я приближусь.

П е р в ы й. Воздух, дай мне на прощанье пожать твою руку.

В т о р о й. Пройдёт ещё немного времени и я превращусь в холодильник.

Т р е т и й. Что до меня, я превращусь в подводную лодку.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

П е р в ы й. Я стою на табуретке одиноко, как свечка.

В т о р о й. Я сижу на стуле. Пистолет в сумасшедшей руке.

Т р е т и й. Деревья, те что в снегу, и деревья те, что стоят окрылённые листьями, стоят в отделении от этой синей проруби, я стою в шубе и в шапке, как стоял Пушкин, и я стоящий перед этой прорубью, перед этой водой, — я человек кончающийся.

П е р в ы й. Мне всё известно. Я накидываю верёвку себе на шею.

В т о р о й. Да, ясно всё. Я вставляю дуло пистолета в рот. Я не стучу зубами.

Т р е т и й. Я отступаю на несколько шагов. Я делаю резбег. Я бе- гу.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

П е р в ы й. Я прыгаю с табурета. Верёвка на шее.

В т о р о й. Я нажимаю курок. Пуля в стволе.

Т р е т и й. Я прыгнул в воду. Вода во мне.

П е р в ы й. Петля затягивается. Я задыхаюсь.

В т о р о й. Пуля попала в меня. Я всё потерял.

Т р е т и й. Вода переполнила меня. Я захлебываюсь.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

П е р в ы й. Умер.

В т о р о й. Умер.

Т р е т и й. Умер.

П е р в ы й. Умер.

В т о р о й. Умер.

Т р е т и й. Умер.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

7. Разговор о различных действиях.

Казалось бы, что тут продолжать, когда все умерли, что тут продолжать. Это каждому ясно. Но не забудь: тут не три человека действуют. Не они едут в карете, не они спорят, не они сидят на крыше. Быть может три льва, три тапира, три аиста, три букам, три числа. Что нем их смерть, для чего им их смерть. Но всё-таки они трое ехали на лодке, ежеминутно, ежесекундно обмениваясь всёлами, с такой быстротой, с такой широтой, что их дивных рук не было видно.

П е р в ы й. Он дунул.

В т о р о й. Он плынул.

Т р е т и й. Всё погасло.

Первый. Зажги.
Второй. Свечу.
Третий. Снова.
Первый. Не получается.
Второй. Гаснет.
Третий. Свеча снова.

Они начали драться и били молотками друг друга по голове.

Первый. Эх спичек.
Второй. Достать бы.
Третий. Они помогли бы.
Первый. Едва ли.
Второй. Тут слишком.
Третий. Уж всё погасло.

Они пьют кислоту отдыхая на вёслах. Но действительно вокруг всё непрозрачно.

Первый. Зажги же.
Второй. Зажигай, зажигай же.
Третий. Совсем как в Париже.
Первый. Тут не Китай же.
Второй. Неужто мы едем.
Третий. В далёкую Лету.
Первый. Без золота и меди.
Второй. Доедем мы к лету.
Третий. Стриги.
Первый. Беги.
Второй. Ни зги.
Третий. Если мёртвый то.
Первый. Не пищи.
Второй. Если стёртый то.
Третий. Не ищи.

Так ехали они на лодке обмениваясь мыслями, и вёсла как выстрелы, мелькали в их руках.

8. Разговор купцов с бенщиком.

Два купца блуждали по бассейну, в котором не было воды. Но бенщик сидел под потолком.

Два купца /спустив головы, словно быки/. В бассейне нет воды. Я не в состоянии купаться.

Банщик.

Однообразен мой обычай,
Сажу как ош под потолком,
И дым предбанный,
Воздух бычий,
Стоит над каждым котелком.
Я дым туманный
Тьмы добычей
Должно быть стену целиком.
Мерцают печи,
Вьнут свечи,
Пылает беспощадный пар.
Средь мокрых нар
Желтеют плечи,
И новой и суровой сечи
Уже готовится навар.
Тут ищут веник,
.....денег,
Здесь жадный сделался ловец.
Средь мрака рыщут
Вонт свищут
Отец и всадник и пловец.
И дым колыхается как нищий
В безбожном сумрачном жилище,
Где от лица всех подлецов
Слетает облак мертвецов.

Два купца /подняв головы, словно онемели/. Пойдем в жен-
ское отделение. Я тут не в состоянии купаться.

Банщик /сидит под потолком, словно банщица/.

Богини
Входят в отделение,
И небо стынет
В отдаленьи.
Как крылья сбрасывают шубки,
Как быстро обнажают юбки,
И превращаясь в голышей
На шеях держат малышей.
Тут мыло пляшет как Людмила,
Воркует губка как голубка,
И яркий снег её очей
И ручейк её речей
И очертание ночей
И то пицание печей
Стремней желания свечей.
Тут я сажу и ненавижу
Ту многочисленную жижу,

Что брызжет из открытых кранов,
Стекает по стремнинем тел,
Где животы имеют вид тиранов,
Я банщик, но и я всотел.
Мы банщики унылы ныне.
Нам свет не мил. И мир не свеж.
Смотрю удачно кряк привинчен.
Оружье есть. Петлю отрежь.
Пускай купаются красавицы,
Мне всё равно они не нравятся.

Два купца /смотрят в баню прямо как в волны/. Он должно
быть бесполой этот банщик.

Входит Елизавета. Она раздевается с целью начать
мыться. Два купца смотрят на неё как тени.

Два купца. Гляди. Гляди. Она крылета.

Два купца. Ну да, у неё тысячи крылышек.

Елизавета, не замечая купцов, вымылась, оделась и
вновь ушла из бани. Входит Ольга. Она раздевается,
верно хочет купаться. Два купца смотрят на неё как
в зеркало.

Два купца. Гляди, гляди, как я изменился.

Два купца. Да, да. Я совершенно неузнаваем.

Ольга замечает купцов и прикрывает свою наготу
пальцами.

Ольга. Не стыдно ль вам купцы, что вы на меня смотрите.

Два купца. Мы хотим купаться. А в мужском отделении нет
воды.

Ольга. О чём же вы сейчас думаете.

Два купца. Мы думали что ты зеркало. Мы ошиблись. Мы про-
сим прощения.

Ольга. Я женщина, купцы. Я застенчива. Я не могу стоять пе-
ред вами голой.

Два купца. Как странно ты устроена. Ты почти не похожа
на нас. И грудь у тебя не та, и между ногами существенная
резница.

Ольга. Вы странно говорите купцы, или вы не видели наших кра-
савиц. Я очень красива купцы.

Два купца. Ты купаешься Ольга.

Ольга. Я купаюсь.

Два купца. Ну купайся, купайся.

Ольга кончила купаться. Оделась и вновь ушла из бани.
Входит Зоя. Она раздевается, значит хочет мыться.
Два купца плавают и ходят по бассейну.

З о я. Купцы, вы мужчины?
Д в а к у п ц а. Мы мужчины. Мы купаемся.
З о я. Купцы, где мы находимся. Во что мы играем?
Д в а к у п ц а. Мы находимся в бане. Мы моемся.
З о я. Купцы, я буду плавать и мыться. Я буду играть на флейте.
Д в а к у п ц а. Плавай. Мойся. Играй.
З о я. Может быть это эд.

Зоя кончила купаться, плавать, играть. Оделась и
вновь ушла из бани. Банщик, он же банщица, спуска-
ется из-под потолка.

Б а н щ и к. Одурачили вы меня купцы.
Д в а к у п ц а. Чем?
Б а н щ и к. Да тем, что пришли в колпаках.
Д в а к у п ц а. Ну что ж из этого. Мы же это не нарочно сде-
лали.
Б а н щ и к. Оказывается вы хищники.
Д в а к у п ц а. Какие?
Б а н щ и к. Львы или тигры или зисты. А вдруг да и коршуны.
Д в а к у п ц а. Ты банщик догадлив.
Б а н щ и к. Я догадлив.
Д в а к у п ц а. Ты банщик догадлив.
Б а н щ и к. Я догадлив.

9. Предпоследний разговор под названием один человек и война

Суровая обстановка. Военная обстановка. Боевая
обстановка. Почти атака или бой.

П е р в ы й. Я один человек и земля.
В т о р о й. Я один человек и скала.
Т р е т ь и й. Я один человек и война. И вот что я ещё скажу. Я
сочинил стихи о тысяче девятьсот четырнадцатом годе.
П е р в ы й. Без всяких предисловий читай.
В т о р о й. Немцы гребят русскую землю.
Я лежу
И грабежу
Внемлю.

Немцам позор, Канту стыд.
За нас
Каждый гренадёр отомстит.
А великий князь К.Р.
Богу льстит.
Наблюдая
Деятельность немцев
Распужал
Как звезда я.
Под взором адвокатов и земцев
Без опекал
Упал
Из гнезда я.

Т р е т и й. Сделай остановку. Надо об этом подумать.
П е р в ы й. Присядем на камень. Послушаем выстрелы.
В т о р о й. Повсюду, повсюду стихи осыпятся как деревья.
Т р е т и й. Я продолжаю.

П е р в ы й. Что же такое,
Нет что случилось,
Понять я не в силах,
Царица молилась
На зенках левкоя,
На венки,
На кресты
На могилах
Срывая с себя листы
Бесчисленных русских хилых.

В т о р о й. Неужто мы добрались до братского кладбища.

Т р е т и й. И тут лежат их останки.

П е р в ы й. Звучат выстрелы. Шумят пушки.

В т о р о й. Я продолжаю.

Т р е т и й. Сражаясь в сраженьях
Ужасных,
Досель не забытых,
Изображенья
Несчастных
Я видел трунов убитых.
Досель
Они ели кисель.
Отсель
Им бомбёжка постель.
Но пашкой
Но пташкой
Брящая,

Кровавой рубашкой
Мерца,
Но куча
Убитые очи,
Как туча
Как лошади бегали ножи.

Первый. Описание точное.

Второй. Выслушайте пение или речь выстрелов.

Третий. Ты всё полную ясность.

Первый. Я продолжаю.

Второй. Ты хороша прекрасная война,
И мне мила щека вина,
Глаза вина и губы
И водки белые зубы.
Три года был грабёж,
Крики, пальба, бомбёж.
Штыки, цветки, стрельба,
Бомбёж, грабёж, гроба.

Третий. Да это правда, тогда была война.

Первый. В том году гусары были очень красиво одеты.

Второй. Нет уланы лучше.

Третий. Гренадёры были красиво одеты.

Первый. Нет драгуны лучше.

Второй. От того года не осталось и косточёк.

Третий. Просыпаются выстрелы. Они зевают.

Первый /выглядывая в окно, имеющее вид буквы А/. Нигде я не
вижу надписи, связанной с каким бы то ни было понятием.

Второй. Что ж тут удивительного. Мы же не учительницы.

Третий. Идут купцы. Не спросить ли их о чём-нибудь.

Первый. Спроси. Спроси.

Второй. Откуда вы две купца.

Третий. Я ошибся. Купцы не идут. Их не видно.

Первый. Я продолжаю.

Второй. Почему нам приходит конец, когда нам этого не хо-
чется.

Обстановка была суровой. Была военной. Она была по-
хожей на сражение.

Ю. Последний разговор.

Первый. Я из дому вышел и далеко пошёл.

Второй. Ясно что я пошёл по дороге.

Третий. Дорога, дорога, она была обсажена.
Первый. Она была обсажена дубовыми деревьями.
Второй. Деревья те шумели листьями.
Третий. Я сел под листьями и задумался.
Первый. Задумался о том.
Второй. О своём условно прочном существовании.
Третий. Ничего я не мог понять.
Первый. Тут я встал и опять далеко пошёл.
Второй. Ясно, что я пошёл по тропинке.
Третий. Тропинка, тропинка, она была обсажена.
Первый. Она была обсажена цветами мучителями.
Второй. Цветы те разговаривали на своём цветочном языке.
Третий. Я сел возле них и задумался.
Первый. Задумался о том.
Второй. Об изображениях смерти, о её чудачествах.
Третий. Ничего я не мог понять.
Первый. Тут я встал и опять далеко пошёл.
Второй. Ясно, что я пошёл по воздуху.
Третий. Воздух, воздух, он был окружён.
Первый. Он был окружён облаками и предметами и птицами.
Второй. Птицы те занимались музыкой, облака порхали, предметы подобно слонам стояли на месте.
Третий. Я сел поблизости и задумался.
Первый. Задумался о том.
Второй. О чувстве жизни во мне обитающем.
Третий. Ничего я не мог понять.
Первый. Тут я встал и опять далеко пошёл.
Второй. Ясно, что я пошёл мысленно.
Третий. Мысли, мысли, они были окружены.
Первый. Они были окружены освещением и звуками.
Второй. Звуки те слышались, освещение выладо.
Третий. Я сел под небом и задумался.
Первый. Задумался о том.
Второй. О карете, о бензике, о стихах и о действиях.
Третий. Ничего я не мог понять.
Первый. Тут я встал и опять далеко пошёл.

СВРАЯ ТЕТРАДЬ

Всё, что я здесь пытаюсь написать о времени, является, строго говоря, неверным. Причин этому две.

1. Всякий человек, который хоть сколько-нибудь не понял время, а только не понявший хотя бы немного понял его, должен перестать понимать и всё существующее. 2. Наша человеческая логика и наш язык не соответствует времени ни в каком, ни в элементарном, ни в сложном его понимании. Наша логика и наш язык скользят по поверхности времени.

Тем не менее, может быть что-нибудь можно попробовать и написать если и не о времени, не по поводу непонимания времени, то хотя бы попробовать установить те некоторые положения нашего поверхностного ощущения времени, и на основании их нам может стать ясным путь в смерть и в широкое непонимание.

Если мы почувствуем дикое непонимание, то мы будем знать, что этому непониманию никто не сможет противопоставить ничего ясного. Горе нам, задумавшимся о времени. Но потом при разрешении этого непонимания тебе и мне станет ясным, что нету ни горя, ни нам, ни задумавшимся, ни времени.

1. Время и Смерть.

Не один раз я чувствовал и понимал или не понимал смерть. Вот три случая, твёрдо во мне оставшихся.

1. Я нычал эфир в ванной комнате. Вдруг всё изменилось. На том месте, где была дверь, где был выход, стала четвёртая стена, и на ней висела повешенная моя мать. Я вспомнил, что мне именно так была предсказана моя смерть. Никогда никто мне моей смерти не предсказывал. Чудо возможно в момент смерти. Оно возможно потому, что смерть есть остановка времени.

2. В тюрьме я видел сон. Маленький двор, площадка, взвод солдат, еობираются кого-то вешать, кажется, негра. Я испытываю сильный страх, ужас и отчаянье. Я бежал. И когда я бежал по дороге, то понял, что убежать мне некуда. Потому что время бежит вместе со мной и стоит вместе с приговорённым. И если представить его

пространственно, то это как бы один стул, на который и он и я едем одновременно. Я потом встану и дальше пойду, а он нет. Но мы всё-таки сидели на одном стуле.

3. Опять сон. Я шёл со своим отцом, и не то он мне сказал, не то сам я вдруг понял: что меня сегодня через час или через полтора повесят. Я понял, я почувствовал остановку. И что-то по-настоящему наконец наступившее. По-настоящему совершившееся, это смерть. Оно не есть даже совершающееся. Оно пупок, оно тень лица, оно скольжение по поверхности.

2. Простые вещи.

Будем думать о простых вещах. Человек говорит: завтра, сегодня, вечер, четверг, месяц, год, в течение недели. Мы считаем часы в дне. Мы указываем на их прибавление. Раньше мы видели только половину суток, теперь заметили движение внутри целых суток. Но когда наступают следующие, то счёт часов мы начинаем сначала. Правда, зато к числу суток прибавляем единицу. Но проходит 30 или 31 суток, и количество переходит в качество, меняется название месяца. Правда, с годами мы поступаем как бы честно. Но сложение времени отличается от всякого другого сложения. Нельзя сравнить три прожитых месяца с тремя вновь выросшими деревьями. Деревья присутствуют и тускло сверкают листьями. О месяцах мы с уверенностью сказать того же не можем. Названия минут, секунд, часов, дней, недель и месяцев отылекают нас даже от нашего поверхностного понимания времени. Все эти названия аналогичны либо предметам, либо понятиям и исчислениям пространства. Поэтому прожитая неделя лежит перед нами как убитый олень. Это было бы так, если бы время только помогало счёту пространства, если бы это была двойная бухгалтерия, если бы время было зеркальным изображением предметов. На самом деле предметы это слабое зеркальное изображение времени. Предметов нет. Не, поди их возьми. Если с часов стереть цифры, если забыть ложные названия, то уже может быть время захочет показать нам своё тихое туловище, себя во весь рост. Пусть бегает мышь по камню. Считай только каждый её шаг. Забудь только слово "каждый", забудь только слово "шаг". Тогда каждый её шаг покажется новым движением. Потом, так же как у тебя справедливо исчезло восприятие ряда движений как чего-то целого, что ты назвал ошибочно шагом /ты путал движение и время с пространством, ты неверно накладывал их друг на друга/, то движение у тебя начнёт дробиться, оно придёт почти к нулю. Начнётся мерцание. Мышь начнёт мерцать. Оглянись: мир мерцает /как мышь/.

3. Глаголы.

Глаголы в нашем понимании существуют как бы сами по себе. Это как бы сабли и винтовки, сложенные в кучу. Когда идём куда-нибудь, мы берём в руки глагол "идти". Глаголы у нас тройственны. Они имеют время. Они имеют прошедшее, настоящее и будущее. Они подвижны. Они текучи, они похожи на что-то подлинно существующее. Между тем, нет ни одного действия, которое бы имело вес, кроме убийства, самоубийства, повешения и отравления. Отмечу, что последний час или два перед смертью могут быть действительно названы часом. Это есть что-то целое, что-то остановившееся, это как бы пространство, мир, комната или сад, освободившиеся от времени. Их можно пощупать. — Самоубийцы и убитые, у вас была такая секунда, а не час? — Да, секунда, ну две, ну три, а не час, говорят они.

— Но они были плотны и неизменны? — Да, да.

Глаголы в наших глазах доживают свой век. В искусстве сюжет и действие исчезают. Те действия, которые есть в моих стихах, нелогичны и бесполезны, их нельзя уже назвать действиями. Про человека, который раньше надевал шапку и выходил на улицу, мы говорили: он вышел на улицу. Это было бессмысленно. Слово "вышел", непонятное слово. А теперь: он надел шапку, и начало светать и синее небо взлетело как орёл.

События не совпадают с временем. Время съело события. От них не осталось косточек.

4. Предметы.

Дом у нас не имеет времени. Лес у нас не имеет времени. Может быть человек инстинктивно чувствовал непрочность, хотя бы на одно мгновение, плотности вещественной оболочки предмета, даже настоящего, того настоящего времени, о котором давно известно, что его нет, и того он не дал предмету. Выходит, что дома и неба и леса ещё больше нет, чем настоящего.

Когда один человек жил в своём собственном ноге, то он огорчался и плакал и стонал. Но как-то он заметил, что нет вчера, нету завтра, а есть только сегодня. И прожив сегодняшний день, он сказал: есть о чём говорить. Этого сегодняшнего дня нет у меня, нет у того, который живёт в голове, который скачет, как безумный, который ест и пьёт, у того, который плавает на ящике, и у того, который спит на могиле друга. У нас одинаковые дела. Есть о чём говорить.

И он стал обозревать мирные окрестности, и в стенках сосуда времени ему показался Бог.

5. Животные.

Восходит скверная зоря. Лес просыпается. И в лесу на дереве, на ветке поднимается птица и начинает ворчать о звёздах, которые она видела во сне, и стучит клювом о головы своих серебряных птенцов. И лев, и волк, и хорёк недовольно и сонно лижут своих серебряных детёнышей. Он лес, он напоминает нам буфет, наполненный серебряными ложками и вилками. Или, или, или смотрим: течёт сияя от своей непокорности река. В реке порхают рыбы со своими детьми. Они смотрят божескими глазами на сияющую воду и ловят надменных червячков. Подстерегает ли их ночь, подстерегает ли их день. Буквашка думает о счастье. Водяной жук тоскует. Звери не употребляют алкоголя, звери скучают без наркотических средств, они предаются животному разврату. Звери, время сидит над вами. Время думает о вас и Бог. Звери, вы колокола. Звуковое лицо лисицы смотрит на свой лес. Деревья стоят уверенно как точки, как тихий мороз. Но мы оставим в покое лес, мы ничего не поймём в лесу. Природа вянет как ночь. Давайте ложиться спать. Мы очень оиречены.

6. Точки и седьмой час.

Когда мы ложимся спать, мы думаем, мы говорим, мы пишем: день прошёл. И назавтра мы не идем прошедшего дня. Но пока мы не легли, мы относимся к дню так, как будто бы он ещё не прошёл, как будто бы он существует, как будто день это дорога, по которой мы шли, дошли до конца и устали. Но при желании могли бы пройти обратно. Всё наше деление времени, всё наше искусство относится к времени так, как будто бы безразлично, когда это происходило, происходит или будет происходить. Я почувствовал и впервые не понял время в тюрьме. Я всегда считал, что по крайней мере дней пять вперёд это то же что дней пять назад, это как комната, в которой стоишь посередине, где собака смотрит тебе в окно. Ты захотел повернуться, и увидел дверь, а нет — увидел окно. Но если в комнате четыре гладких стены, то самое большое, что ты увидишь, это смерть на одной из стен. Я думал в тюрьме испытывать время. Я хотел предложить, и даже предложил соседу по камере попробовать точно повторять предыдущий день, в тюрьме всё способствовало этому, там не было событий. Но там было время. Наказание получил тоже временем. В мире летают точки, это точки времени. Они садятся на листья, они опускаются на лбы, они радуют жуков. Умиравший в восемьдесят лет и умирающий в 10 лет, каждый имеет только секунду смерти. Ничего другого они не имеют. Бабочки-однодневки перед ними столетние псы. Разница только в том, что у восьмидесятилетнего

нет будущего, а у 10-летнего есть. Но и это неверно, потому что будущее дробится. Потому что прежде чем прибавится новая секунда, исчезнет старая, это можно было изобразить так:

oooooooooooooooooooo

о о о

Только нули должны быть не зачёркнуты, а стёрты. А такое секундное мгновенное будущее есть у обоих, или у обоих его нет, не может и не могло быть, раз они умирают. Наш календарь устроен так, что мы не ощущаем новизны каждой секунды. А в тюрьме эта новизна каждой секунды, и в то же время ничтожность этой новизны, стала мне ясной. Я не могу понять сейчас, если бы меня освободили двумя днями раньше или позже, была ли бы какая-нибудь разница. Становится непонятным, что значит "раньше" и "позже", становится непонятным всё. А между тем, петухи кричат каждую ночь. Но воспоминания вещь ненадёжная, свидетели путаются и ошибаются. В одну ночь не бывает две раза 3 часа, убитый лежащий сейчас — был ли убит минуту тому назад и будет ли убитым послезавтра. Возвращение непрочно. Каждый час хотя бы, если не минута, должен получать своё число, с каждым следующим прибавляющееся или остающееся всё тем же. Скажем, что у нас седьмой час и пусть он тянется. Надо для начала отменить хотя бы дни, недели и месяцы. Тогда петухи будут кричать в разное время, а равенство промежутков не существует, потому что существующее не сравнить с уже несуществующим, а может быть и несуществовавшим. Почему мы знаем? Мы не видим точек времени, на всё опускается седьмой час.

7. Печальные останки событий.

Всё разлагается на последние смертные части. Время поедает мир. Я не по... / На этом рукопись обрывается /

/ ОТРЫВОК /

Перед каждым словом я ставлю вопрос: что оно значит? и над каждым словом я ставлю показатель его времени. Где дорогая дучечка Маша и где её убогие руки, глаза и прочие части? Где она ходит убитая или живая. Мне невоготу. Кому? Мне. Что? Невоготу. Я один как свеча. Я, семь минут пятого, один, восемь минут пятого, как, девять минут пятого, свеча, десять минут пятого. Мгновенья как не бывало. Четырех часов тоже. Окна тоже. Но всё то же самое.

Перед тобой стоит дорога. И позади тебя лежит тот же путь. Ты стал, ты остановился на быстрый миг, и ты, и мы, и все увидели дорогу впереди тебя. Но вот тут мы взяли все и обернулись на спину, то есть назад, и мы увидели тебя, дорога, мы осмотрели тебя, путь, и все как один подтвердили правильность её. Это было ощущение — это был си...ний орган чувств. Теперь возьмём минуту назад, или примеряем минуту вперёд, тут вертись, или оглядывайся, нам не видно этих минут, одну из них, прошедшую, мы вспоминаем, другую, будущую точку, воображаем. Дерево лежит, дерево висит, дерево летает. Я не могу установить этого. Я не доверяю памяти, не верю воображению. Время единственное что вне нас не существует. Оно поглощает всё /не/существующее вне нас.

Тут наступает ночь ума. Время восходит над нами как звезда. Закинем свои мысленные головы, то есть умы. Смотрите, оно стало видимым. Оно всходит над нами как ноль. Оно всё превращает в ноль. Последняя надежда — Христос Воскрес.

Христос Воскрес — последняя надежда.